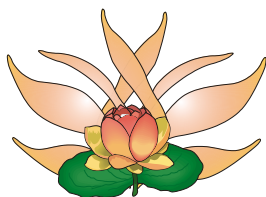

Сергей Афонин

**ДОРОГИЕ СЕРДЦУ
СТРАНИЦЫ**

2007 год

Об авторе: *Сергей Никитович Афонин родился в 1939 году в Киеве. Окончил Институт восточных языков при Московском Государственном Университете. Референт-востоковед. Журналист-международник. В сборник включены воспоминания разных лет.*

*Моим родителям, родным, близким,
друзьям и Вьетнаму посвящается*

Киев. Зимний вечер. Метёт позёмка. Из ворот дома номер 14 по улице Миллионной выходит женщина. Она прячет лицо от ветра и бережно несёт на руках завернутого в одеяло ребёнка. Путь неблизкий, в Печерскую Лавру. Там состоится обряд крещения сына, там она поставит свечу у алтаря тайком от посторонних глаз (такими были те времена).

Родители мои заранее договорились: если будет сын, его назовут Сергеем. В память о Сергее Мироновиче Кирове, прекрасном человеке, видном политическом деятеле Советского Союза. Он был злодейски убит 1 декабря 1934 года в Смольном. Мою старшую сестру, появившуюся на свет в том же месяце того же года, нарекли Кирой.

Мама моя, Антонина Васильевна, была очень доброй и отзывчивой на чужие беды женщиной. Она не чаяла души в детях и до конца жизни оберегала нас.

Свои чувства к самому родному человеку я пытался выразить в своём стихотворении:

Помню материнские руки,
Тихую ласковую улыбку,
Хотя ей выпали страшные муки,
И жизнь была похожа на пытку.

Муж не вернулся с фронта – война...
Но мама радовалась дочке и сыну,
Она была очень больна,
Но на работе гнула спину.

Помню мамину ласку всегда,
Жаль, не вернёшь её никогда...

Родина мамы – станция Люботин Харьковской области. Со своим будущим мужем, Никитой Фёдоровичем, она познакомилась в Харькове, где они учились в одном институте. А отец родом из Донбасса.

С трепетом перечитываю записные книжки отца. Это был одарённый, образованный интеллигент. Он углублённо изучал математику, философию, всемирную историю, произведения классиков отечественной и зарубежной литературы. Блестяще владел немецким языком, знал и латынь. Сохранился его пропуск за номером 15489 в библиотеку и кабинеты Академии наук УССР, выданный в начале 1941 года.

Отец, работавший преподавателем математики в Киевском университете, закончил диссертацию, но не успел защитить её. После войны, как рассказывала мама, этот научный труд присвоил один из «друзей» отца.

Вот мой очерк, написанный в 1960 году, когда был студентом.

«Отец. Я не помню его. Он ушёл на фронт, когда мне не было ещё двух лет.

На стене киевской квартиры его фотография. Лицо открытое. Большой лоб. Вдумчивые глаза. Полушубок застёгнут на пуговицы.

Каждое лето на каникулы возвращаюсь домой. Небольшая коммунальная квартира в старом двухэтажном доме. Мама открывает дверь. Переступаю порог. На стене слева – фотография отца и на гвозде – полушубок. С ним связано очень многое. Отец оставил полушубок, уходя на фронт.

... Поезд шёл на восток. Эвакуация. Налёты фашистских самолётов. О них мне рассказывали мама и сестра. Очередной налёт. Мама со мной на руках и Кира бросились в кукурузное поле. Разрыв бомбы. Мама прикрыла нас своим телом. Осколок впился ей в голову. Пока мама лежала в больнице, сестра ухаживала за мной и с тех пор называет брата «сыночек».

Мы успели уйти от немцев. Перебрались в Сибирь, где в Омске жила мамина сестра. Затем поселились на станции Купино. Мама работала заведующей детскими яслями. А Кира пошла в школу. Тетрадей не было. Школьники писали на газетных листах.

Маленькая комнатуха. Посредине – железная печь, но было очень холодно. Спали в одежде.

1944 год. Кира забрала меня из детсада, и мы, перепрыгивая через рельсы, добрались до поезда. В товарном вагоне хозяйничала мама. Этот отдельный вагон выделил нарком путей сообщения, чтобы доставить нашу семью в Киев. Но, конечно, мы ехали не одни. В него набилась куча людей, которые сменяли друг друга на разных станциях.

Ехали мы очень медленно и долго. Вагон то отцепляли, то прицепляли к новому составу. Мама и сестра бегали на станциях за водой, обменивали что-либо из скудного скарба на кусок хлеба.

Помню, как однажды я принял вечерний закат за пожар.

Когда переезжали по мосту через Волгу, мама и Кира заплакали. Заплакал и я. Здесь под Сталинградом в 1943 году погиб отец. Он был командиром миномётной батареи. Его полушубок был с нами.

... Киев. Сплошные руины. От вокзала мы ехали на телеге. Лошадь была старая, измождённая. Возница рассказывал о зверствах гитлеровцев.

Дом на Миллионной уцелел. Немцы использовали его как баню. Сырость, грязь. Привели нашу комнату в порядок. Мама повесила фотографию мужа.

Спали на полу. Мама укрывала нас одеялом и полушубком и гасила свечу.

... Праздник Победы! Забрался с ребятами на крышу и заморожённо смотрел в небо, где полыхали разноцветные букеты салюта.

В интернат меня устроили по просьбе тяжелобольной мамы. А Киру отправили в детдом в Одессу. В 1947 г. отменили хлебные карточки, но всё равно было голодно. Одного хлопца из нашей школы исключили не за двойки, а за то, что швырнул куском хлеба в товарища.

В интернате было много хороших ребят. В нашем классе учились Володя Надашкевич, Володя Морозов, Валерий Венгринович, Миля Смикун, Виля Примак...

Старался учиться на «отлично». Любил, пожалуй, все предметы. Познакомился с поэзией Шевченко, Пушкина...

Ночью в спальне зачастую устраивали потехи, дрались подушками. В наказание драили коридоры мастикой.

По воскресеньям тех, у кого были родные, и кто хорошо себя вёл в течение недели, отпускали домой. Чем мог помогал маме: колол дрова, таскал вёдра с углём, ходил на базар...

Примерял полушубок, но он был велик. Только когда стал десятиклассником, в 1956 году, он оказался в самый раз. Мама всплеснула руками: «Да ты уже совсем взрослый!»

Я посмотрел в глаза отцу. Мы хорошо понимали друг друга...

В Министерстве просвещения Украины была установлена мемориальная доска в память сотрудников, не вернувшихся с фронта. И первой была фамилия отца. Мы втроём – мама, Кира и я – каждый год приносили сюда букет цветов.

А когда мамы не стало, её похоронили на Байковом кладбище, и мы с сестрой стали ездить туда, а затем посещали место памяти отца. Но вот прошло время, и эта мемориальная доска исчезла. Министерство переехало в другое здание и, как нам объяснили, она «куда-то

затерялась». Скорей всего, кое у кого на Украине просто отшибло память о тех, кто сражался против фашизма.

Каждое лето встречаюсь с Кирой в Киеве и на даче, построенной ею с мужем Юрием Петровичем на берегу Десны. Прекрасно проводим время: читаем, слушаем музыку, делимся творческими планами. Сестра долгое время работала учителем русского языка и литературы. На её уроки приезжали методисты Министерства просвещения, чтобы перенять опыт.

Кира – тонкая, возвышенная натура. За красавицей с длинной каштановой косой ухаживали многие влюблённые, покорённые её поэтическим умом и романтической душой. У неё было и есть солнце лучезарного счастья.

Больше всего на свете она любит Чёрное море, и в сердце её всегда накатываются волны волшебных грёз.

Сестра была замужем, но радости материнства не познала. И свои восторженные чувства дарит чужим детям.

У Киры много учеников и учениц. Она гордится ими, некоторые стали её младшими подругами и, как могут, поддерживают любимую учительницу и умудрённого наставника.

И в Киеве, и на даче её окружают добрые люди. Они и мои друзья.

Перу Киры принадлежат прекрасные книги воспоминаний о пережитом. Читаю их с упоением. Она – оптимист, несмотря на разные хвори, и очень волевой человек. К жизни относится философски: «Не знаю, – пишет она, – что и кто ждёт меня Там, и ждёт ли, а здесь, на Земле, я была счастлива, потому что любила родных и близких мне людей и любила всю земную красоту».

* * *

У меня много друзей, которых мне подарили годы, проведённые в интернате, период учёбы в Институте восточных языков при МГУ, работа в Центральной Комсомольской школе и в Международном отделе ЦК ВЛКСМ. Потом командировка во Вьетнам, где я был корреспондентом ИТАР-ТАСС и газеты «Комсомольская правда» (1967–1971 гг.).

И вновь Москва – четыре года в центральном аппарате ТАСС; в течение тринадцати лет – референт Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран; еще пятнадцать лет на разных должностях в аппарате ТАСС...

Сколько же замечательных людей повстречалось за прожитые десятилетия!

Часто вспоминаю Володю Надашкевича. Мы учились вместе в спецшколе-интернате с преподаванием ряда предметов в старших классах на английском языке. Потом в институте. Долгие годы работали в ТАСС.

Вспоминается 1950 год, когда в Корее началась война. Тогда на стене учебного этажа в школе повесили большую карту этой страны и маленькими флажками отмечали ход боевых действий. Так продолжалось три года...

Там же, в школе, мы узнали о героизме вьетнамского народа, сражавшегося против французских колонизаторов.

И кто бы мог представить тогда, что Володя свяжет свою жизнь с Кореей и в будущем будет работать корреспондентом в Пхеньяне, а я отдам сердце Вьетнаму.

У нас с другом со школы было две страсти – шахматы и рыбалка. В институте нас стало уже трое, плюс Женя Кобелев, с которым я учился во вьетнамской группе. Помимо наших азартных увлечений, влюблялись в общезжитии, подрабатывали по ночам в колхозах, на стройках.

В нашей группе занимались также Володя Афонин (однофамилец), Толя Зайцев, Оксана Новикова, Марина Рафальская. То были счастливые годы, когда открываются юношеские сердца...

Любовь к Вьетнаму, его языку, истории, культуре нам привили уважаемые преподаватели: Антонина Николаевна Баринова, Дега Витальевич Деопик, Николай Иванович Никулин и другие. Недавно вновь встретался с Марианом Николаевичем Ткачёвым, нашим первым преподавателем вьетнамской литературы. Его эрудиция, юмор потрясали. Он блестяще перевёл на русский язык самые яркие произведения вьетнамских писателей – это целая библиотека, – написал несколько превосходных книг.

Свою дипломную работу Женя посвятил творчеству поэтессы Хо Суан Хьонг. А я тогда увлекался вопросами языкознания. Преддипломную практику провёл во Вьетнаме. С волнением читал классическую поэму Нгуен Зу «Стенания истерзанной души». Герои – красавица Кьеу и её возлюбленный Ким Чонг. Она прошла сквозь суровые испытания, и души их в конце концов воссоединились:

Свечи затеплив, друг дружку
за руки взяли они,

Звёздные затрепетали огни,
вспыхнуло чистое чувство в крови,
Радость в рубиновых чашах
пела величье любви...

* * *

Отпуск. Крым. Какой чудесный край! Здесь чувствуешь себя раскованным и просветлённым. Воздух напоен ароматами степей, цветов, виноградников. Романтика моря.

Под ногами хрустящий песок. Тихо плещутся волны. Входишь в эту просвеченную солнцем прохладу, и тебя охватывает наслаждение. Плывёшь всё дальше и дальше.

Как-то среди пляжников увидел девушку, стройную, с красивой причёской. Рядом с ней, наверное, подруга – пониже ростом, смуглая, они о чём-то разговаривали.

На следующее утро, когда мы с Женей вновь приехали из Сак на этот пляж, я уже глазами искал незнакомок. Они играли с какими-то ребятами в волейбол. Я обратил внимание друга на них, и мы тут же оторвались от шахмат и встали в кольцо волейболистов. «Наши» девушки старались поддерживать мяч, и игра становилась всё более весёлой.

Потом состоялось знакомство: высокая – Люда Еремеева, подруга – Люся Зайцева.

Это были незабываемые дни. В Саках мы с другом жили у его сестры Гели и её мужа Бориса. Это замечательные люди. Мы провели с ними прекрасное время. Пили прекрасные вина...

По вечерам, когда зажигались первые звёзды, стали ходить на танцплощадку и смогли поближе узнать Люду и Люсю. Они, кажется, одинаково относились к нам обоим, но как знать?

И наступил момент, когда мы с Женей договорились о следующем: если будет объявлен белый танец и подруги сделают свой выбор, мы согласимся с таким вариантом. Люда пригласила меня, а Люся – Женю. Вчетвером пошли в ресторан, выпили по бокалу шампанского.

В ту пору мы с другом работали в Москве переводчиками в Центральной Комсомольской школе и жили в общежитии в Вешняках, а подруги были студентками МГПИ, будущие логопеды, и жили они в подмосковном Болшево.

Через несколько дней нам с Женей надо было возвращаться в Москву, а Люда с Люсей оставались в Саках. Условились, что встретимся все вчетвером в определенный день и час у центрального входа ВДНХ. И эта встреча состоялась.

На следующий год мы вчетвером отправились в Сочи. Тогда там было более привольно, чем сейчас. Разбили палатку в зарослях на пяточке между Холодной речкой и морем. Особенно любили купаться при свете луны. Пели любимую песню: «Отчего, отчего, отчего мне так светло? Оттого, что ты мне просто улыбнулась...» Это было волшебное место для влюблённых. Потом съездили в Киев и поставили палатку у озера на душистом лугу. Скажу честно, что мы сдерживали порывы.

В январе 1964 года состоялась наша с Людочкой свадьба. Она в белом платье была обворожительна. Во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова были моя мама, сестра, тесть и тёща, Женя с Люсей, группа вьетнамских слушателей ЦКШ. Потом празднество переместилось в ресторан «Арагви».

В том же году родился Дима. Мы лелеяли сына. Помню, как в домике в подмосковном Болшево, где мы с Людой жили у её родителей, наш первенец сделал первые шаги.

Как-то повёз его в Киев. Каждый день он по многу раз ставил пластинку с песней «Как прекрасен этот мир»...

Дима открыл в этом мире много прекрасного. Но жизнь оказалась гораздо сложнее, чем он думал. В Институте стран Азии и Африки познакомился со своей

будущей женой Мариной. Работал в Лаосе, написал научную работу об этой стране. У него большой творческий потенциал.

Дима и Марина подарили нам чудесных внуков. Оба помешаны на компьютерах. Лёша – будущий специалист в области экономической информатики, Саша пишет рассказы, стихи.

Младший сын Федя появился у нас в 1975 году. Мы с Людой, как отмечала тёща, чересчур баловали его. После года занятий на вечернем факультете Московского государственного института международных отношений его призвали в погранвойска. Потом бросил институт. Сейчас начинает анализировать свои ошибки. У него, верю, найдутся силы, чтобы начать новую жизнь.

Федя обожает свою дочь Вику. Мы тоже любим её. Она, видимо, станет отличной пловчихой, как и её мать Татьяна, мастер спорта.

... Люда пережила трудное детство. Она родилась в эвакуации в 1941 году в селе Заплавном недалеко от Сталинграда. Мама её и родня едва выходили малышку. Здесь хорошо были слышны грозовые раскаты битвы на правом берегу Волги. Потом через Заплавное был пропущен большой поток пленных немцев.

После войны Люда вместе с мамой жила в разных военных гарнизонах, где служил её отец.

С тестем и тещей мне, конечно же, повезло. Фёдор Иванович и Александра Семёновна были очень скромными людьми.

Он – кадровый военный, геройский человек. Помню его рассказ о первом дне войны. 22 июня 1941 года он встретил её, будучи командиром погранзаставы. Заканчивал боевой путь в Северной Корее в 1945 году. Потом ещё три года командовал спецбатальоном в Прибалтике, где орудовали «лесные братья». Служил в ГДР.

Однажды, 9 мая, и это было за год до его смерти, Фёдор Иванович надел китель с многочисленными наградами, встал под любимой цветущей яблоней, и я сделал памятный фотоснимок.

В последние годы тесть был председателем местного общества охраны природы. Он и Александра Семёновна обожали свой сад, много трудились в нём.

Рядом, через забор, жила семья Чуваевых. Они были нам как родные. Степан Никанорович и Екатерина Ивановна воспитали прекрасных сыновей. Старший Анатолий трагически погиб. Младший Владимир стал начальником Московской энергетической таможни.

Запомнилось его выступление по телевидению, где он говорил о разных компаниях, укрывавшихся от налогов. Вскоре Володя умер. Его смерть до сих пор остаётся загадкой.

Жена его Людмила осталась с сыном Владиком, дочкой Светой и внучкой Настей. Они радуют сердце матери и бабушки.

Людмила – самая близкая подруга моей жены и близкий мне человек.

Хочу сказать самые добрые слова о родителях нашей невестки Марины – Владимире Алексеевиче Пронникове и его супруге Римме Максимовне. Мы встречались довольно часто, особенно в первые годы нашей дружбы.

Владимир Алексеевич был легендарным разведчиком. Имел многие высокие награды. Доктор психологических наук. Академик Фонда ООН по информатике. Его перу принадлежат выдержавшие не одно издание книги «Японцы», «Икебана, или вселенная, запечатленная в цветке», «Язык мимики и жестов» и другие.

Римма Максимовна не одинока. У неё дочери – Ирина и Марина, зятя Сергей и Дмитрий, внучка Катя, внуки Алёша и Саша и мы, её друзья.

* * *

В мае 1967 года я прибыл в Ханой. Женя Кобелев передал мне дела в корпункте ТАСС, где он проработал три года.

С первых же часов ощутил дыхание войны. В Ханое днём и ночью объявляют воздушную тревогу. Американская авиация остервенело наносит ракетно-бомбовые удары по столице ДРВ. Зенитно-ракетные войска сбивают вражеские самолёты.

Через две недели – срочная командировка в порт Камфа, где американские самолёты обстреляли советский сухогруз «Туркестан». Тогда погиб механик Николай Рыбачук и был тяжело ранен электромеханик Иван Земцов...

Это были первые личные впечатления от войны во Вьетнаме, которая продолжалась ещё долгие годы.

* * *

За свою историю Вьетнам познал немало нашествий и всегда выходил победителем. Только в первой половине XX столетия он пережил французское иго, японскую оккупацию.

В 1945 году пламенный патриот Вьетнама Хо Ши Мин провозгласил независимость страны.

После завершения в 1954 году войны Сопротивления французским колонизаторам Вьетнам был разделён временной демаркационной линией по 17 параллели.

Север (Демократическая Республика Вьетнам) и Юг должны были вскоре объединиться, но этого не допустили правящие круги США. Они и их сайгонские приспешники сорвали проведение на юге всеобщих выборов. Началась новая война – вначале против патриотических сил в Южном Вьетнаме, затем против ДРВ.

Боль, которая расколола эту страну, я ощущал долгие годы. Вьетнамский народ мечтал об объединении родины, о воссоединении многих разделённых семей. И делал всё, чтобы добиться этой цели. Надёжным тылом в этой борьбе был социалистический Северный Вьетнам, который встречал искреннюю поддержку и разностороннюю помощь Советского Союза и других братских стран. На стороне справедливого дела вьетнамского народа выступали все прогрессивные силы мира.

Я жил и работал в ДРВ в разные годы. Не раз посещал уже единый Вьетнам после исторической победы в 1975 году, когда был полностью освобождён юг. В 1976 году на карте мира появилась Социалистическая

Республика Вьетнам. Сейчас это динамично развивающаяся страна, которая поражает своими успехами во всех областях.

Мысленно возвращаюсь в прошлое, и перед взором всплывают отдельные картины мира и войны, войны и мира.

...В тропической ночи сполохи салютов над ханойским озером Возвращённого меча. Алтари предков с дымящимися ароматными палочками.

На голубом экране неба разрывы ракет и снарядов, разящих американские самолёты.

Разрушенные города и деревни. Запах гари. Глаза раненых.

Спокойствие, освящённое свечами Будды в пагодах, многие из которых были разрушены американскими самолётами.

Обгоревший книжный листок с биографией и портретом Достоевского. Я нашёл его среди руин католического собора в Намдине после воздушной бомбардировки.

Как пятна крови, цветы на ветвях дерева «хвост феникса».

Перламутровый отблеск луны в заливе Халонг (Спустившегося дракона).

Радостные крики детей «Льенсо!» (Советский Союз!)
Крестьяне, вспахивающие на буйволах землю.
Шахматные квадраты рисовых полей. Изрытые бомбами дамбы.

Заводские рабочие, шахтёры Куангниня...

Тряска в газике по военным дорогам в моменты бомбардировок.

Древний бронзовый барабан в ханойском музее.

Влюблённые пары в парках. Ханойский дом бракосочетаний.

Рыбачьи джонки под коричневыми парусами.

Кочующий ансамбль артистов. Выставки художников.

Лозунг «Пусть песни заглушают взрывы бомб...»

Причалы Хайфонского порта, где идёт разгрузка советских судов.

Покорение реки Чёрной, где был сооружён гидроузел Хоабинь, морские платформы совместного предприятия «Вьетсовпетро» по добыче нефти, десятки других важнейших объектов, построенных с помощью наших специалистов.

Легендарный мост Хамжонг (Пасть дракона) в провинции Тханьхоа. Его защитникам, сбившим сто американских самолётов, наша делегация вручила капсулу со священной Сталинградской землёй.

Встречи с героями борьбы в Южном Вьетнаме. Злодеяния американских агрессоров и их сайгонских марионеток. Мощные атаки сил освобождения на врага, его растущие потери.

Подземные катакомбы Кути близ Сайгона, где располагался один из штабов патриотических сил.

Залитый солнцем освобождённый Сайгон.

Обелиски, памятники в честь павших по всей стране.

Лазурное небо над мирной объединённой страной.

* * *

Ханой. С этим древним и юным городом на Красной реке связаны самые душевные воспоминания о Вьетнаме. В нём своё неповторимое очарование. Я исходил и изъездил, пожалуй, все его улицы и кварталы.

Одна из главных артерий жизни вьетнамской столицы – мост Лонгбьен на Красной реке. По нему с двух сторон плывёт поток велосипедов, машин, велорикш. Крестьянки в остроконечных шляпах «нон» с коромыслами на плечах, девушки в красивых платьях «аозай», весёлые дети с портфелями в руках, бойцы в пропотевших гимнастёрках...

Посреди моста – железнодорожная колея, по которой шли пассажирские и товарные поезда.

А внизу несёт свои илистые воды Красная река. В сезон дождей уровень воды её поднимается до шпал. Помню, как в Ханое готовились к наводнениям.

Мост Лонгбьен американская авиация при мне разрушала несколько раз. И каждый раз ремонтные бригады быстро восстанавливали его.

Построенный по проекту Эйфеля, он был открыт в 1902 году. Разве мог знать французский инженер, что его детищу уготована такая судьба?!

Другое его творение – знаменитую башню в Париже – я воочию увидел в 1973 году, когда в конце февраля – начале марта там проходила Международная конференция по Вьетнаму. Во французской столице я работал спецкором ТАСС. Участники конференции поддержали подписанные месяц назад – ДРВ, Временным революционным правительством Южного Вьетнама, США и сайгонским режимом – Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. С марта 1973 года последние части экспедиционного корпуса США покинули Южный Вьетнам. Внутренний же конфликт в стране окончательно разрешился весной 1975 года.

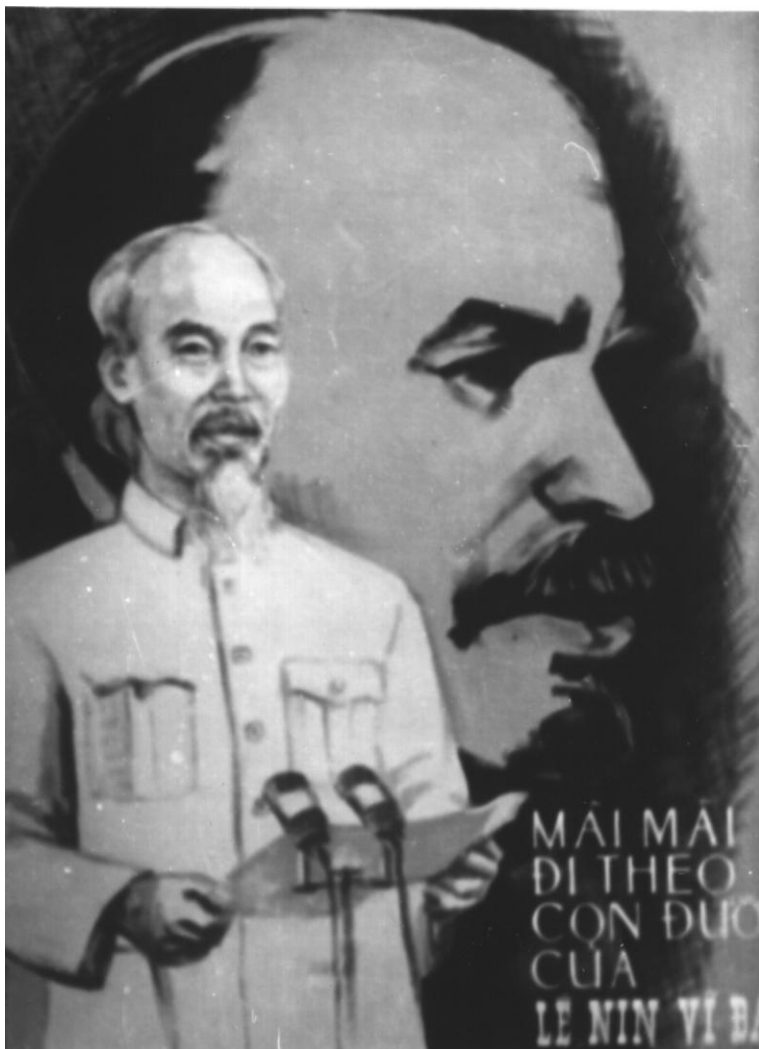
* * *

Мне посчастливилось дважды встретиться с Хо Ши Минном – в 1964 и 1969 годах, когда он принимал делегации ВЛКСМ. Это были волнующие часы, ведь мы общались с великим сыном Вьетнама, создателем КПВ, первым президентом ДРВ, мужественным борцом-интернационалистом. Он покори нас своей простотой и скромностью.

Подробнее опишу последнюю встречу.

25 февраля мы были приглашены в небольшой одноэтажный домик, построенный в годы американских бомбардировок в парке президентского дворца. Радужные объятия. Когда сели за стол, Хо Ши Мин достал портсигар и предложил сигареты. Мы отказались, а уж потом поняли, что, конечно же, надо было принять из его рук эти сигареты как душевный подарок. Он не стал закуривать и начал беседу на русском языке:

«Мы рады, что вы приехали во Вьетнам. Вы убедились в том, с какой искренней теплотой и симпатией относятся у нас к советскому народу. Когда рядом с нами ваша страна, мы верим в своё счастливое будущее...»

*1970 год. Плакат на улице Ханоя
«Хо Ши Мин и Ленин»*

Хо Ши Мин стал вспоминать первые годы, проведённые в Москве. «Трудное было время, как теперь у нас», – сказал он (беседу переводил я).

«Но тогда вы были одни, а мы теперь не одиноки», – добавил премьер-министр Фам Ван Донг.

«Потом советские люди стали жить лучше, – продолжал президент. – Как-то я спросил у одной девушки, почему она носит шёлковое платье и ходит на высоких каблуках. Она с гордостью ответила: «Я ведь работаю, вот и зарабатываю». Потом появилось в Москве метро, прибавилось автомобилей...»

Мы слушали воспоминания Хо Ши Мина и всматривались в его лицо с седой бородкой. Сквозь стёкла очков на нас смотрели живые, хотя и несколько утомлённые глаза. Он сидел в кепке, шея закрыта шарфом (в тот день было весьма прохладно).

Разговор зашёл о Вьетнаме. Хо Ши Мин рассказал о том, как в 1925 году создал Товарищество революционной молодёжи Вьетнама...

Потом он показал нам несколько фотографий своих встреч с молодёжью Северного Вьетнама, бойцами вооружённых сил освобождения Юга.

На одном из снимков – здоровенный американский лётчик, которого конвоирует хрупкая вьетнамская ополченка.

«Многие приезжают к нам и удивляются, почему такая маленькая и отсталая страна успешно противостоит агрессии США, – сказал Хо Ши Мин. – Но когда покажешь это фото, всё становится ясно».

Беседу президент закончил словами:

«Все наши победы мы связываем с именем Ленина, ему мы обязаны всем».

Хо Ши Мин обнял каждого из нас на прощанье, сказал добрые напутственные слова.

А через полгода его не стало.

Эту скорбную весть в то хмурое утро 3 сентября я передал по радиотелефону в Москву. То была тяжёлая утрата для всех честных людей на нашей планете.

Долгие годы он руководил национально-освободительной борьбой вьетнамского народа против французских колонизаторов, японских милитаристов, американских агрессоров. «Нет ничего дороже независимости и свободы» – эти крылатые слова его начертаны на мраморе его Мавзолея в Ханое.

Он мечтал видеть свою страну независимой, свободной, единой, демократической и процветающей, и эта мечта сбылась.

Хо Ши Мин родился в деревне Лотосов, и эти волшебные по красоте цветы считаются во Вьетнаме символом чистоты и благородства, верности и целеустремлённости.

В Москве, по установившейся традиции в день рождения Хо Ши Мина – 19 мая – к его памятнику возлагаются красные гвоздики. Их приносят сюда активисты Общества дружбы с Вьетнамом, сотрудники посольства СРВ в РФ и других вьетнамских учреждений. В ансамбль памятника вписаны бронзовый бамбук и три живые русские берёзы. Вместе с яркими цветами они смотрятся под московским небом особенно красиво...

Мне довелось познакомиться со многими соратниками и учениками Хо Ши Мина, это: Тон Дык Тханг, Во Нгуен Зиап, Ле Зуан, Во Ти Конг, Ле Дык Тхо, Нгуен Зюи Чинь, То Хью, Во Ван Киет, Ван Тиен Зунг, Нгуен Тхи Динь, Нгуен Тхи Бинь и многими другими из числа лучших сынов и дочерей вьетнамского народа.

... Осенью 1964 года в саду особняка на Ленинских горах премьер-министр Фам Ван Донг подробно

расспрашивал меня о жизни советской молодёжи. Мы шли с ним по аллее, иногда он останавливался и задавал новый вопрос. Фам Ван Донга интересовали нравы и идеалы молодого поколения, отношение к Вьетнаму. Потом он обнял меня и пожелал всего доброго, сказав, что мы ещё встретимся.

Так и произошло в 1969 году. Затем несколько раз я брал у него интервью для ТАСС и «Комсомольской правды». В ходе одной из таких бесед зачитал ему отрывок из письма мамы, в котором она выражала глубокое сопереживание вьетнамским матерям. В глазах Фам Ван Донга блеснули слёзы. Он сказал, что советские люди – самые искренние друзья Вьетнама.

И это так. Четыре года войны во Вьетнаме советские люди воспринимали боль и победы вьетнамцев, как свои личные боли и победы. Когда после победы из Вьетнама в Москву ехала поездом вьетнамская делегация, на каждой станции её приветствовали с большой любовью. А на одном полустанке немолодые женщины-колхозницы подарили вьетнамцам огромные букеты полевых цветов. Вьетнамцы говорили, что это был самый лучший подарок. Они обнимали женщин, как своих родных матерей. Все плакали, так как и тем и другим были понятны страдания, которые приносит война.

* * *

После войны Фам Ван Донг ещё несколько раз приезжал в Москву. И вновь я видел его в особняке на Ленинских горах. Это был стареющий, но такой же любознательный человек. Он интересовался жизнью советских людей, материалами советских газет, рассказами о природе. Помню его заразительный смех...

* * *

За минувшие десятилетия мной написано бесчисленное количество материалов о Вьетнаме. Вот один из очерков, относящихся к 1968 году, «Лотосы и бомбы»:

«Когда выезжаешь из Ханоя по шоссе № 1, вскоре за развалинами пригородного района с правой стороны от дороги огромное поле. Оно переливается и искрится в лучах рассветного солнца. Бледно-розовые бутоны на стройных стеблях в ожерелье сочных зелёных листьев, распластанных на воде. Это лотосы. Их здесь целая плантация, и кажется неправдоподобным, что эти прекрасные цветы живут среди воронок от бомб.

Через несколько часов проезжаем мост Хамжонг. Искорёженный металл и искалеченные скалы напоминают о недавних боях.

Город Тханьхоа остаётся позади. Вдали на фоне синего горизонта стоит удивительная скала. По форме она похожа на женщину с ребёнком на руках. Скала называется «Жду мужа». В легенде, которую можно услышать не только в этих местах, рассказывается о том, как женщина с ребёнком вышла встречать мужа с фронта. Но она не встретила его. И стоит эта женщина, застывшая от горя в камне, и сегодня продолжая верить. Уже и камень выветрился от времени, но сердце вьетнамской женщины живёт в ожидании...

Дорога идёт всё дальше на юг. Следы бомбардировок сопровождают на всём пути. В отдельных местах воронок так много, что кажется ты попал на другую планету и сейчас пробираешься между безжизненными кратерами.

Обогнали колонну грузовиков, колёса которых поднимают бурую пыль.

В просвете между холмами замечаю радугу – широкую, яркую. Одним концом она упёрлась в облака, другим опустилась в море.

... Вдруг где-то поблизости гулко застучал барабан. «Тревога!» Несколько американских самолётов прошли высоко над деревней. За ними гнались МиГи, ведя огонь по удиравшим «фантомам». У одного из них вырвалось

пламя, и в ту же секунду воздух взорвался криками: «Горит! Смотрите! Горит!»

За одну ночь нам нужно было прорваться до Виня. В этом районе находятся бомбы замедленного действия, а мы должны пройти несколько километров пешком до нужного перекрёстка. Туда подойдут наши газики.

Быстро темнело. На востоке полыхали далёкие молнии. Тропическим летом над морем обычно собираются грозы. А здесь небо было чистым и звёздным.

Идём открытым полем. В таких местах нужно быть осторожным. Стараемся идти не растягиваясь. Часто спотыкаемся. В соседней деревне наша цепочка удлинилась на несколько человек. Попутчиками стали девушки, которые шли помогать зенитчикам рыть окопы. Познакомились. Двух подруг звали Луна и Орхидея.

Они двигались в темноте быстро, уверенно. Говорили громко, шутили.

«Работать будем до утра, – сказала Луна. – Потом нужно в поле, да и домашние дела не ждут...»

«А когда же отдыхать?»

Подруги рассмеялись: «Ведь мы ещё молодые...»

На перекрёстке девушки попрощались и ушли дальше в темноту.

Ждать газиков пришлось долго. Неожиданно из темноты доносятся детские голоса. Это дети возвращаются с концерта. Бомбы и музыка...

Садимся по машинам. Дети желают нам счастливого пути.

У одной из переправ пришлось задержаться. Осветительные ракеты. Бомбардировка. Берег реки, у которой мы остановились, весь изрыт воронками.

Останавливались ещё несколько раз, пережидая, пока пролетят самолёты. К городу Виню подъезжаем глубокой ночью. Луна. Чёрные развалины. Ночуем в пригородной деревне. Скоро уже утро. Долго не могу заснуть. Мешает почти непрерывный гул самолётов, взрывы.

Сквозь сон чувствую, что кто-то будит. С трудом открываю глаза.

«Пора. Уже 5 часов», – говорит старший лейтенант.

Много испытаний пережил Винь, но самые тяжёлые выпали на его долю теперь.

Американские самолёты появились над Винем 5 августа 1964 года. На город упали первые бомбы. Они продолжают разрываться и сегодня.

До 31 марта 1968 года, когда США заявили об ограничении бомбардировок, на Винь было сброшено свыше 9000 фугасных бомб, около 14000 шариковых

бомб, 1000 управляемых и неуправляемых ракет класса «воздух-земля», 300 бомб замедленного действия.

Кроме того, Винь систематически обстреливался кораблями 7-го американского флота.

Среди руин одного из кварталов до вчерашнего дня ещё оставалось пять или шесть чудом уцелевших домиков. Они, наверное, резали глаза американскому лётчику, одному из тех, кто привык «работать чисто». Тонкостенная бомба с мощной взрывной волной (такая бомба используется специально для ударов по населённым пунктам) точно попала в цель. Кроме этого сюда же были сброшены и шариковые бомбы.

Мы ходили по этим ещё дымящимся развалинам, и в сандали забивался горячий пепел. Мы видели пострадавшие семьи, у которых больше не осталось жилья. Развороченные стены, вместо крыши небо над головой...

Из-под груды рухнувшей пагоды пожилой мужчина вытащил искалеченную фигуру Будды. «Пусть будут прокляты американские варвары», – сказал он и отвернулся, чтобы никто не увидел его слёз.

Потом мы прошли к католическому собору. На его месте огромная гора битого камня, перемешанная

с церковной утварью. Прямое попадание телеуправляемой бомбы «уолай».

А в этот момент в небе вновь кружили американские самолёты. Они летают здесь с короткими паузами, выискивая всё новые объекты для ударов.

Факты преступлений против вьетнамского народа широко известны. Но пусть к этим фактам добавится ещё один. В эвакуированной из Виня больнице находятся многие раненые. Среди них 14-летняя девочка по имени Ха. Она, как и её мама, ранена взрывом шариковых бомб. Девочка, у которой 10 ран, была без сознания. Врачи делали срочную операцию, надеясь вернуть её к жизни...

Возвращались в гостиницу. Дорога, обсаженная молодыми лиственницами, идёт между рисовых полей. Неподдалёку работают крестьяне. Женщина понукает буйвола и налегает на плуг. Прямоугольник поля залит тонким слоем воды, который перемешивается с землёй. В воде отражается небо. В плывущее облако тяжело ступает буйвол. Плуг разрезает облако, выворачивая наружу чёрные комья земли. Крестьянка останавливается, несколько мгновений смотрит на нас – уж не ведут ли сбитых американских лётчиков – потом смотрит в небо. Смахивает пот со лба и начинает новую борозду.

Залитая водой воронка от бомбы. В ней купается буйвол. После жаркого дня наслаждается прохладой. Буйвол с головой погружается в воду, фыркает, и брызги летят на дорогу. Под деревом сидит мальчик в большой соломенной шляпе, которая защищает от осколков. Читает. Но вот он настораживается. В стороне, рассекая облако, идут два самолёта. Со стороны реки доносятся взрывы. Самолёты делают новый заход. После каждого взрыва уши буйвола чутко вздрагивают. Он уже не плещется в воде, а затаился в воронке. Мальчик продолжает сидеть, только крепче прижался к дереву.

Новые бомбы падают на Винь, стреляют зенитки.

Вернулись в «отель». На столе, за которым мы ужинаем, стоят свежие лотосы. От взрывов ваза слегка раскачивается. Нам сообщают, что сбит ещё один самолёт противника.

Защитники Виня первыми открыли счёт сбитых в небе ДРВ американских самолётов. Это произошло в первый же день налётов четыре года назад. За это время над Винем было уничтожено свыше 400 самолётов.

... Нам вручают лотосы. «Эти цветы, – говорят друзья, – мы дарим самым дорогим гостям. Возьмите их на память о Вине. Обязательно приезжайте к нам после войны снимать и писать о нашей мирной жизни.

Проект восстановления города уже одобрен ЦК партии. Представляете, каким красивым мы сделаем Винь! Наш народ уверен в будущем».

Поездка по Нгеану продолжалась. После Виня мы провели сутки в районе Намдан. У колодца с холодной водой очередь. Мы долго поливаем друг другу на спину, шумно плескаемся. Жара понемногу отступает. За целый день так изжарились, что кружится голова. Да ещё вывалились в земле, укрываясь от пикирующих самолётов.

Тяжёлый был день. И не потому, что стоит особенная жара, вызванная горячим ветром из соседнего Лаоса. Тяжело на душе. Всё время вспоминаются растерянные глаза двух малышек из общины Намлок: «Что будет с нашей мамой? – спрашивали они. – Когда она вернётся?» Мать их тяжело ранена осколком, лежит в больнице.

В деревню, где живут эти двое ребятишек, мы отправились утром.

Тяжело идти туда, где знаешь заранее, что увидишь слёзы и горе. Вышли на дамбу. Противоположный берег реки Лам сплошь укрыт зеленью. Но в одном месте эта зелень разрывается большим коричневым пятном.

«Это и есть Намлок», – сказал кто-то из сопровождающих.

Только потом, когда мы переплыли на лодках на другой берег, я понял: то, что издали казалось коричневым пятном – это обгоревшие и обуглившиеся деревья и кусты, это сожжённые крестьянские хижины.

На эту мирную деревню с её легкими бамбуковыми постройками американские лётчики не бросали тяжёлых фугасных бомб. Достаточно было нескольких десятков тонкостенных бомб и ракет.

Проходя по деревне, мы видели в разных местах пустые контейнеры из-под шариковых бомб.

У одного из разбитых домов стояли двое малышей с растерянными и заплаканными глазами. «Что будет с нашей мамой? – спрашивали они. – Когда она вернётся?»

Прямо в пепле на земле сидит женщина. Её брат погиб вместе с женой, которая только что вернулась из родильного дома. У женщины на руках осталась десятидневная племянница.

Председатель кооператива показывает длинный список убитых и раненых жителей деревни: в нём фамилии 96 человек, в большинстве женщин, детей.

... Лодочник торопился. Он сильно нажимал на вёсла ногами. Вьетнамцы считают, что так грести удобней. Приближаемся к песчаному берегу. И вдруг появились два самолёта. Вскоре прилетело ещё два «фантома».

Мы стали наблюдать за их действиями из укрытий. Первая двойка набрала высоту, потом устремилась в пике. Было хорошо видно, как отделяются бомбы и как самолёты ещё некоторое время сопровождают их и резко взмывают вверх. Раздались взрывы. На наших глазах совершалось насилие, которому нет и не может быть никакого оправдания.

Самолёты делают новый заход. Они пикируют прямо на нас. Небо затянуто серой пеленой. Разгрузившись, «фантомы» исчезают довольные своей «работой». Наступает тишина.

Вечером включил транзисторный радиоприёмник. Различные станции говорили о положении во Вьетнаме: о новых атаках вооружённых сил Южного Вьетнама, о бомбардировках Северного Вьетнама, о ходе официальных бесед между делегациями ДРВ и США в Париже. Слушали мы и московское радио на вьетнамском языке.

Самолёты пролетают так низко, что заглушают радиоприёмник. Слышны взрывы.

Эфир доносит религиозную передачу для войск США. Американский проповедник говорит о боге, любви...

...На следующий день на берегу моря услышал знаменитые нгеанские песни. Обычно поют двое,

импровизируя на ходу. Первый о чём-то спрашивает, второй отвечает. Сегодня дуэт исполняли две подруги:

Я не знаю, есть ли на земле что-нибудь
прекраснее нежного лотоса.
Может быть, ты, подруга, знаешь, так скажи!

Над заливом прошли американские самолёты.
После небольшой паузы вторая девушка ответила:

Да, в жизни нет прекрасней этого цветка,
Его хотят убить и сжечь,
Но скоро с фронта вернётся мой любимый
И подарит мне живой лотос...

Самолёты пикировали на берег залива. Разрывы бомб заглушались песней, которую пели девушки...»

* * *

Привожу и другой очерк, написанный в 1969 году под названием «Солнечный луч коснулся верхушек бамбука...»

«Я хочу быть поэтессой, и самые счастливые минуты для меня – минуты вдохновения, когда слагаются новые поэтические строчки». Трудно поверить, что эти слова сказаны двенадцатилетней девочкой. Но это так. Она сказала мне их в далекой вьетнамской провинции Хатинь

в общине Камбинь весенним днём, когда тропическое солнце обжигало над нашей головой бамбуковые листья, а с моря долетал ласковый ветерок.

Девочку зовут Нгуен Тхи До. Сейчас, когда я вспоминаю эту встречу, я вновь вижу её большие лучистые глаза. Да, именно лучистые и никакие другие, поразившие меня своей чистотой и умом, и ещё тем, что когда девочка смотрит прямо на тебя, то можно ясно увидеть в них вспыхивающие искры, будто высеченные из глубины души. Девочка читала стихи. Свои стихи, написанные в годы войны. В каждом слове я ощущал трепет её юного сердца, открывавшего для меня её мир тревог и радостей.

Я помню, как дрогнул голос девочки, когда над нами пронёсся гул самолётов. Они всё ещё продолжают летать над этой истерзанной страной, которую бомбили подряд четыре долгих года. Гул утих. Девочка начала читать новое стихотворение:

Вечером на закате
Налетели хищные
драконы
И испепелили мою старую
школу...

Это были воспоминания о начале войны, когда американские «фантомы» забросали Камбинь бомбами. Тогда и сгорела школа, в которой училась До.

Я видела, как горят дома
И умирают люди.
Сердце сжимается
от боли...

Голос До звенит, как звенят вышибаемые взрывной волной стёкла. Сколько же боли и гнева накопилось в её детской душе за военные годы! В этой стране у каждого и у всех своё и общее горе и ненависть, но взрослые потому и взрослые, что у них твёрже голос и крепче нервы. Но в глазах До не было слёз, только метались огнём разбушевавшиеся искры, как отблеск тех пожаров, что все эти годы горели в Камбине.

Если бы не стихи, которые прочитала До в начале нашей встречи, проникнутые радостным светом, стихи о новогоднем празднике, о рисовом поле, то сейчас, после её воспоминаний о войне, я мог бы поверить, что в этом сердце осталась одна лишь боль. Мы, взрослые, слушали стихи До о войне и молча переживали её тревоги, до краёв наполнившие выстраданные строчки.

Последним было стихотворение о новой школе-землянке, где До училась четыре года. Девочка назвала свою школу «красивой», и с такой простотой и нежностью было произнесено это слово, будто в эту землянку пришло само солнце. Я был в школе, где учится До. Высокие земляные валы окружили детские парты, стоящие на краю глубоких траншей. Здесь темно и, конечно же, неудобно. Почти каждый урок приходилось прерывать из-за налётов американской авиации, и дети бежали тогда по траншеям в разные стороны, к своим бомбоубежищам.

«Мы прячемся здесь от шариковых бомб», – читала До. Я думаю, что эта строка стихотворения маленькой вьетнамской девочки, пережившей вместе со своими школьными друзьями 1500 военных дней и ночей, может стать обвинительным актом на суде, где будут судить за бесчеловечность и варварство агрессоров.

Эту школу-землянку, рассказывает дальше в своём стихотворении До, дружно построили все жители деревни, учителя и ученики. Так же отстраивались в Камбине и разрушенные жилые дома крестьянских семей. И девочка называет школу своим «родным домом».

Поэзия близка вьетнамцам, и, наверное, каждый второй в этой стране пишет стихи. В одном сборнике стихов, выпущенном управлением культуры провинции Хатинь, рядом со стихами юной До я видел поэму, написанную председателем общины Камбинь Нгуен Конг Куеном. Этот седеющий мужчина, который, кстати, нынешней весной заканчивает 10-й класс, сравнивает знания, культуру человека с «сиянием жемчуга в глубине моря». Мне кажется, что сравнение это удачно передаёт мысль о том, что знания добываются нелёгким трудом, но зато этот труд окупается высокой культурой. Такие люди растут и воспитываются теперь в ДРВ.

«Когда ты написала своё первое стихотворение?» – спросил я До.

«Два года назад. Наш учитель Дао дал нам домашнее задание – сочинить стихи о новогоднем празднике. Мой стих понравился всем, и его поместили в стенной газете».

Так неожиданно для других, но не для неё самой, До начала писать. Девочка призналась, что стать поэтессой она мечтала с шести лет, но раньше не могла ещё выразить мысли в поэтических строчках. Для До поэзия – это родная деревня и её люди, умеющие хорошо трудиться и смело сражаться с врагом, это её школа,

где она имеет возможность учиться вместе с друзьями, это песни и стихи, звучащие в её сердце, и, наконец, это удивительный и всегда новый пейзаж, который даёт детской душе простор и вдохновение. Вот, например, маленькое стихотворение До о рисовом поле:

Солнечный луч коснулся
 верхушек бамбука,
По полю, укрытому
 зелёным покрывалом,
Бегут наперегонки
 волны.

Весенний ветер ласкает
 моё поле,
Стебли риса тихо поют
Победную песню, песню
 о счастье.

С волнением слушал я стихи девочки в далёкой вьетнамской провинции, и передо мной открылся мир человека, который совсем недавно стал жить на свете, но уже сполна познал и горе, и тревоги и при этом не разучился радоваться жизни и любить жизнь. Над нами в тот весенний день горело солнце, обжигающее бамбуковые листья, а со стороны моря долетали порывы лёгкого ветра. В глазах юной поэтессы задумчивость, озарённая сполохами искр. Может быть, она в эту минуту

нашла новый поэтический образ. Мне бы хотелось, чтобы эта и все другие поэтические строчки, которые родятся в сердце До, были до краёв наполнены солнечным светом».

* * *

Когда говоришь о войне, естественно возникает вопрос: испытывает ли человек чувство страха и боязни? И в Советском Союзе, и Вьетнаме, и других странах целые поколения выросли в периоды войн и, конечно, каждый даёт свой ответ на этот вопрос. Как мне кажется, весьма точны слова одного из персонажей Куприна:

«Ты не верь, пожалуйста, тому, кто скажет, что не боялся и что свист пуль для него самая сладкая музыка. Это или псих, или хвастун. Все одинаково боятся. Только один весь от страха раскисает, а другой себя держит в руках...»

Во время войны каждый, должно быть, напрягается, превращается в какой-то странный сгусток энергии, когда мысль работает ясно и чётко. Особенно мысли о родных и близких. Это отражается в письмах домой. В них обнажаются чувства, рождаются слова, которые до этого, может, и не произносил. Помните строки Симонова «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...»?

Мои письма до сих пор хранит Люда, она не показывает их никому. Это осталось нашей тайной...

В далёком Вьетнаме в одном из писем к жене я вспоминал стихи Константина Симонова:

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло.

Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Спасибо Судьбе за то, что подарила мне единственную и прекрасную любовь.

И так случилось, что на нашем пути мы встретились с Константином Симоновым. Тогда со мной в Ханое уже были жена и Дима.

Окна корпункта открыты настежь, где-то рядом звонко трещит хор цикад. Константин Михайлович в тот вечер, к счастью, никуда не спешил, и мы смогли поговорить на разные темы. Его интересовала наша жизнь, наши наблюдения и впечатления о Вьетнаме.

С Людой мы заранее научили сына, какой вопрос задать гостю. И этот вопрос прозвучал: «Кому Вы, дядя Костя, посвятили стихотворение «Жди меня»? Может, он не ожидал от малыша такого вопроса, который наверняка ему задавали не один раз, но гость задумался. Константин Михайлович отложил трубку, взял из вазы банан, очистил его не спеша, потом разрезал на дольки на тарелке, полил коньяком, поджѐг, и когда вспыхнуло зыбкое пламя, ответил: «Любимому человеку...»

«Кому же?» – спросила Люда. – «Помнится, Вы посвятили это стихотворение неизвестной С. Может быть, Серовой?»

Симонов взял трубку и промолчал.

Он оставил нам сборник своих стихов с надписью: «Дорогому Димочке и его родителям от дяди Кости Симонова».

* * *

Перебираю в памяти встречи с другими замечательными людьми, и сразу же видится вечер в Карловых Варах, когда в гости к нашей делегации ВЛКСМ пришѐл Юрий Гагарин с супругой. Многие писали об этой исторической личности, о его характере.

Могу лишь добавить, что когда он пожал мне руку и посмотрел в глаза, я ощутил прилив сил и бодрости.

Много раз встречался с космонавтом Германом Титовым. В 1961 году он побывал в Ханое, и толпы ликующих вьетнамцев приветствовали его. Президент Хо Ши Мин подарил ему один из островов в заливе Халонг. Герман Титов был председателем Общества советско-вьетнамской дружбы.

В 1980 году, в разгар Олимпийских игр в Москве, мне довелось побывать с вьетнамской делегацией в Центре управления полётами. 23 июля первый вьетнамский космонавт Фам Туан вместе с Виктором Горбатко покорил заоблачные выси. Потом он как-то рассказывал мне о своих впечатлениях. Поведал Фам Туан и о том, как 18 декабря 1972 года в ханойском небе он сбил на истребителе МиГ-21 американский стратегический бомбардировщик В-52.

* * *

В ТАСС, в редакциях «Комсомольской правды», «Правды», «Известий», АПН, Гостелерадио и других СМИ работали и работают многие талантливые люди. Со многими из них делил тяготы и радости жизни во

В Отделе ЦК КПСС заведующим сектором Вьетнама был Игорь Огнетов, затем его сменил Евгений Глазунов, очень чуткий и внимательный человек. Дел было очень много. Развитие советско-вьетнамских отношений шло на подъём. Сейчас Глазунов является председателем Общества дружбы с Вьетнамом и делает очень многое для сохранения связей с далёкой и близкой страной.

В секторе Вьетнама трудились прекрасные специалисты – Анатолий Воронин, Сергей Дивильковский, Евгений Баздырев, Пётр Цветов...

Женя Кобелев работал в Международном отделе ЦК. Мы издали с ним в соавторстве две книги о Хо Ши Мине.

Храню память о послых нашей страны во Вьетнаме, сотрудниках посольства и других советских учреждений, военных и гражданских специалистах.

Не забуду коллег из Вьетнамского информационного агентства, редакций газет «Нян зан», «Куан дой нян зан», «Тиен фонг», радиостанции «Голос Вьетнама», телевидения...

Искренне признателен товарищам из аппаратов ЦК КПВ, МИД СРВ, ЦК СКМ Хо Ши Мина, всем добрым людям, с которыми меня сводила судьба в годы войны и мира в городах и провинциях Вьетнама.

Посольство СРВ в РФ каждый год приглашает меня на приём по случаю очередной годовщины со дня провозглашения независимости Вьетнама. И каждый раз словно прикасаюсь к сердцу этой страны.

Вьетнаму посвящаю своё стихотворение:

Постоянные воздушные налёты
На Ханой – сердце Вьетнама.
Ракеты сбивают врага самолёты.
... С золотой звездой Красное знамя.

Розовые лотосы и чёрные бомбы,
Вьетнамской войны жаркие годы,
Партизанские катакомбы,
Нет ничего дороже свободы!

Народ чашу горя испил,
Но выполнил предков заветы,
Час наступления пробил:
Вьетнам добился победы!

Бамбук в голубую высь стремится
Тропическим ливнем омытый,
В глазах людских радость искрится,
Но войны не позабыты.

Отложив в сторону винтовку,
Вьетнам трудится весь в поту,
В новой исторической обстановке
В жизнь воплощает мечту.

Душу всему миру открывают
Красная река и Меконг.
Вьетнамцы цену жизни знают,
Звучит праздничный гонг.

Мечтаю вновь побывать в СРВ.

* * *

Экзотическая кухня

Нельзя не сказать о вьетнамской кухне. Здесь, как говорится, едят всё, что ползает (кроме танков), всё, что летает (кроме самолётов), и всё, что плавает (кроме кораблей).

Самым жизненным продуктом, конечно же, является рис. «Чтобы чашку риса добыть, надо чашу пота пролить», – гласит вьетнамская поговорка.

Везде пил зелёный чай. Впервые куриный суп с лапшой «фо» попробовал в 1961 году при свете коптилки близ ханойского вокзала.

В ресторанах ел суп из акульих плавников, суп с черепахой. На одном из приёмов подавали суп из «ласточкиного гнезда», залитый в кокосовый орех...

Всевозможная рыба, креветки, крабы, лангусты... Возлюбил рыбный соус «ныок нам»...

Мясные блинчики «нэм», свиные шашлыки. Пирог «баньтинг» на Новый год. В одном из освобождённых районов Южного Вьетнама угостили змеёй, фаршированной каракатицей.

Море экзотических фруктов и овощей... Хороша рисовая водка, отличное пиво разных сортов...

Кстати, в Москве сейчас немало вьетнамских ресторанов.

* * *

Я побывал в разных районах Советского Союза – от Находки до Бреста. Ездил в Молдавию, на Кавказ, в Среднюю Азию... Был на Мамаевом кургане в Волгограде.

Любовался сокровищами Кремля, экспонатами Эрмитажа. Люблю Киевский музей украинского искусства.

Посетил многие страны мира.

В Лаосе и Камбодже переживал трагедию войны на Индокитайском полуострове, когда патриоты этих стран плечом к плечу с вьетнамским народом сражались против общих врагов. Радуюсь, что Будда ниспослал этим трём братским народам выстраданный мир в условиях независимости и свободы.

В Китае был несколько раз в разные периоды советско-китайских отношений. Главное, что теперь Россия и КНР – добрые соседи и стратегические партнёры.

В Париже встретился в Лувре с долгожданной Моной Лизой. Прошёлся по Елисейским полям. Вспомнился один из героев Хемингуэя, который сказал, что жители французской столицы, любящие свой город, называют его не Париж, а Панамá.

В Берлине с женой стояли у монумента Советского воина-освободителя...

Живу в Москве, к ней давно привык. Мегалополис преобразается на глазах и смотрит далеко в будущее. Это, конечно, радует.

Недавно смотрели с Людой телефильм о черноморских курортах и с улыбкой вспомнили наше знакомство.

Встречаюсь с Женей. Играем с ним изредка в шахматы, но уже без Володи Надашкевича.

А Женя в своё время женился на Люсе, но не Зайцевой, а Гарбуз. Она была переводчицей английского языка в Центральной комсомольской школе, где её и заметил Женя. Вскоре они уехали во Вьетнам. Голубоглазая красавица родила ему Сашу и Таню. Дедушка Женя боготворит внука Елисея, часто напевает ему: «У моря, у синего моря...»

После смерти жены Евгений Васильевич обрёл новый источник вдохновения – милую Татьяну Ивановну. Ей он посвятил стихотворение «Сиреневое лето», в котором излил всю свою душу.

Вот так сложились наши судьбы...

* * *

Однажды внук Саша, когда я рассказывал ему о разных странах, спросил: «А какой город тебе, дедушка, нравится больше всего?» Ответ был ясен.

Киев для меня остаётся самым лучшим городом на земле. Остро переживал трагедию Чернобыля. Своё стихотворение в память о погибших и пострадавших завершил словами: «Поминальная свеча не гаснет у алтаря».

Волнует нынешняя обстановка на Украине и то, что злые силы хотят оторвать её от России.

Каждый год приезжаю на Родину. Нашего дома на Миллионной уже давно нет. Сохранилась лишь старая акация.

Кира живёт на Русановке, прекрасном районе на левобережье Днепра. Отсюда хорошо виден холмистый правый берег, золотые купола церквей. Когда-то мы, ребята, ходили в пещеры Лавры, и по таинственному лабиринту нас вёл монах со свечой в руке...

У Евтушенко есть такие строки:

Померкло блюдечко во мгле,
Всё воском залитое,
Свеча, растаяв на столе,
Не восстанавливается...

Да, сгоревших свечей не вернёшь. Но память о пережитом и вера в будущее погаснуть не могут.

Сергей Афонин

Дорогие сердцу страницы

